

Сергей Могилевцев

Граф и Анна

Сергей Могилевцев

Граф и Анна

1998

Могилевцев С.

Граф и Анна / С. Могилевцев — 1998

На крыльце старой веранды такого же старого одноэтажного дома сидит в кресле-качалке молодой человек, которого все окружающие давно уже считают идиотом. Рядом находится булыжная мостовая, видна панорама старых, покрытых потемневшей черепицей домов, с крест-накрест заколоченными окнами и дверьми. Где-то недалеко находится море. В этом заброшенном городе у людей нет собственных имен, а только лишь прозвища. Идиота в кресле зовут Графом, девушку, которой он когда-то в детстве клялся в любви – Анной, мать его – Афродитой.

Содержание

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ	6
Явление первое	7
Явление второе	9
Явление третье	11
Явление четвертое	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Сергей Могилевцев

Граф и Анна

комедия в двух действиях

На крыльце старой веранды такого же старого одноэтажного дома сидит в кресле-качалке молодой человек, которого все окружающие давно уже считают идиотом. Рядом находится бульжная мостовая, видна панорама старых, покрытых потемневшей черепицей домов, с крест-накрест заколоченными окнами и дверьми. Где-то недалеко находится море. В этом заброшенном городе у людей нет собственных имен, а только лишь прозвища. Идиота в кресле зовут Графом, девушку, которой он когда-то в детстве клялся в любви – Анной, мать его – Афродитой. Граф уверен, что некогда совершил ужасный поступок, и наказан за это вечным сидением в кресле-качалке, став всеобщим посмешищем и козлом отпущения для целого города. Его друзья, – Старик и Анна, – пытаются помочь ему, и убеждают, что это не так. Но Граф неизлечим, и помочь ему невозможно. Это первый смысловой слой пьесы. Слой второй, глубинный, ставит все с ног на голову: весь этот страшный, призрачный город выдуман самим Графом, этим идиотом, сидящим в кресле-качалке, и все жители этого города всего лишь персонажи пьесы, написанной им. И пьеса эта в конце-концов подходит к концу, к финалу, в котором происходят удивительные метаморфозы, тоже придуманные автором пьесы. Его любовь детства Анна превращается в хитрую и расчетливую интриганку, Старик становится его отцом, вернувшимся из дальних странствий, Афродита занимает его место в кресле-качалке, а сам Граф докапывается наконец-то до тайны, тщательно скрываемой от него, и становится совершенно свободным. А сама пьеса превращается в захватывающий психологический детектив.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Г р а ф.
А н н а.
С т а р и к.
А ф р о д и т а.
К у б ы ш к а.
Ч е с н о ч о к.
К р а с а в ч и к.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Панорама небольшого приморского города, бесконечные крыши и синее море на горизонте. Веранда старого одноэтажного дома: деревянные рассохшиеся половицы, старая этажерка с гипсовой копилкой-свиньей, старый стол со стаканом, подстаканником и желтой оббитой сахарницей; посередине, лицом к перилам и морю, Г р а ф в кресле-качалке, такая же часть мебели этой убогой веранды, как и все остальное. Сзади стена с трещиной, проходящей от пола до потолка, дверь и окно, закрытое занавеской. Сверху деревянный навес с потемневшими от дождей деревянными резными наличниками. Видна часть кривой улицы с мощеной булыжником мостовой и глухими фасадами старых домов, окна и двери в которых крест-накрест заколочены старыми, потемневшими от времени досками.

Явление первое

Г р а ф, неподвижно застывший в кресле-качалке.

Г р а ф (*смотрит в сторону моря, говорит сам с собой*). Странно, чем больше смотришь в сторону моря, тем больше находишь в нем разных оттенков, полутонов, игры света и тени, как будто заглядываешь в огромное волшебное зеркало. Уж кто-кто, а я знаю, как должно выглядеть море; море и крыши; и еще эти старые веранды домов со старыми, потемневшими от дождей коньками навесов, растрескавшимися, давно некрашеными половицами, столами, стульями, этажерками, и, конечно же, стоящими на них пузатыми копилками-свиньями, в брюхе которых постоянно что-то звенит. Постоянно бурчит. За последние годы я, безусловно, стал профессором в вопросах, связанных с морем, крышами домов, чердаками, поломанными коньками навесов, разошедшимися половицами и гипсовыми копилками-свиньями. (*Усмехается.*) Нет, что касается гипсовых копилочек-свиней, в брюхе которых постоянно что-то звенит, то в этой области я, пожалуй, утру нос любому профессору. В этой области я академик, и, конечно, никак не меньше. (*Поворачивает голову к этажерке, на которой стоит гипсовая копилка-свинья.*) За последние девять лет я ничего так досконально не изучил, как вот эти гладкие, округлые формы, вот эти жирные, лоснящиеся от довольства бока, вот эти короткие, с раздвоенными копытцами ножки, вот этот розовый, лоснящийся от сытости пяточок, и, конечно же, огромный, ненасытный живот, в котором вечно звенит что-нибудь медное и даже серебряное. Звенит людское звонкое счастье. Чужое счастье, надо сразу же заметить по справедливости, ибо ко мне, идиоту, живущему на всем готовом и ни в чем не знающем ни нужды, ни проблем, это чужое людское счастье, конечно же, никакого отношения не имеет. (*Грустно улыбается.*) Ну и слава Богу, что не имеет. Идиоты не должны много иметь. Им нельзя желать слишком многого, а то, чего доброго, они вообразят себя настоящими, нормальными, отвечающими за свои поступки людьми, и тогда, как говорит моя мама, некого будет прибить под горячую руку. (*Виновато улыбается в сторону з р и т е л е й.*)

Пауза.

Мою маму зовут Афродитой, и это ее второе, ненастоящее имя. В нашем городе у всех людей почему-то вторые, ненастоящие имена. Маминих подруг зовут Кубышка и Чесночок, соседа-бармена из пивнушки на набережной – Красавчик, меня – Графом, и только у Анны ее настоящее, данное ей при рождении имя. Вот не пристаю к ней нисколько вторые, придуманные нашими кумушками имена, и все тут, как они не стараются выдумать Анне что-нибудь подходящее. Они вечно собираются здесь у нас на веранде: Кубышка, Чесночок и Красавчик, – и вместе с моей мамой, которую, как вы уже знаете, зовут Афродитой, обсуждают новейшие сплетни нашего города. Впрочем, все новейшие сплетни нашего города – это хорошо забытые старые сплетни. Что сколько стоит, почему такая дороговизна и отчего так быстро тухнет на солнце рыба, сколько денег – отдельно медных и отдельно серебряных – может вместить одна свиная кубышка; отчего такое плохое правительство; отчего Анна не выходит замуж за бармена Красавчика, и, наконец, отчего я такой идиот? О, это последнее – отчего я такой идиот? – обсуждается на нашей веранде уже бесконечное количество лет, если точнее – то ровно девять, из вечера в вечер, и непременно при моем молчаливом присутствии. Я уже так привык к этим вечерним обсуждениям моего ужасного и возмутительного идиотизма, что стал считать их вполне естественными, нормальными, как закаты и рассветы на море, смену красок во время шторма и шторма, или улыбку на лице нашей Анны. В это время я обычно думаю о чем-то приятном: о том, что море, очевидно, живое, и только притворяется, что оно неразумное и не понимает людей; о том, что чайки – это, наверное, белые ангелы, которые только притворяются неразумными птицами, а по ночам, когда их не видно, улетают в небесные потайные чертоги; о том, что Анна постоянно всем говорит, что я не идиот, а вполне нормальный, отвечающий за

себя человек, который должен лишь сделать усилие, и вспомнить все, как было на самом деле. Об этом последнем – о том, чтобы вспомнить, как все было на самом деле, – я тоже думаю довольно много. Но моя мама говорит, что я не должен ничего лишнего вспоминать, что моя вина и так всем ясна и видна, как прозрачное стеклышко, что хуже меня вообще нет идиота, и что вообще хватит на эту тему распространяться. Ну что же – хватит, так хватит. Идиотам вообще не положено ни на какие темы распространяться.

Пауза.

Солнце садится, скоро наступит вечер, и тогда море изменит свой цвет: из яркого и блестящего, словно зеркало, в котором отражается солнце, и на которое в полдень невозможно смотреть, оно превратится в чистое и спокойное озеро, в глубине которого можно увидеть много чудесных вещей: раковины, кораллы и крабы, множество пестрых и ярких рыб – о них так хорошо рассказывает Старик. Мы иногда – когда мама умиловится и позволяет мне ненадолго уйти – бродим с ним вечерами по берегу тихого моря, ворошим груды гниющих водорослей, разгребаем палками кучи камней и обточенных прибоем ветвей; бывает, что в этих грудах можно найти кое-что по-настоящему ценное; конечно, сейчас не то, что в прошлые годы, когда, по рассказам нашего Старика, море выбрасывало на берег золотые монеты древней чеканки и множество настоящих драгоценных камней, которые лежали до поры до времени глубоко на дне в тяжелых кованых сундуках, упавшие туда с потерпевших крушение кораблей. *(Внезапно оживает.)* О, вы знаете, однажды я даже нашел небольшой перстень с зеленым сверкающим изумрудом, таким огромным и чистым, что лучи, исходящие от него, пугали кружащих в воздухе чаек. Старик сразу же намекнул, что надо отдать его Анне, да я, по правде, и сам хотел это сделать, но мама, как всегда, поступила по-своему: она стала кричать, что идиотам нельзя дарить девушкам ничего ценного, потому что это дело не идиотов, а нормальных, прочно стоящих на земле, имеющих вес и деньги мужчин; таких, например, как Красавчик; что он все равно возьмет Анну в жены, как бы она ни упрямилась и ни выкаблучивалась, и что не мне, нищему идиоту, дарить ей дорогие вещицы. *(Оглядывается на занавеску.)* Наверное, моя мама права, она всегда права, но только лучше, если она поспит еще хотя бы немного, тогда, возможно, мне удастся незаметно уйти на море вместе со Стариком. *(Смотрит на небо.)* Вот и вечер, Старик всегда проходит здесь в это время.

Явление второе

Появляется С т а р и к; на плече у него полинявшая от времени холщовая сумка, украшенная большой свежей заплатой.

С т а р и к (*приветливо*). Здравствуй, Граф! Все сидишь в своей старой качалке, все охраняешь покой своей грозной матушки? Не надоело тебе торчать тут целыми днями, того и гляди, протрешь себе штаны, сидючи в кресле?!

Г р а ф (*оживляясь*). Сказать по правде, Старик, так надоело до смерти! Так бы и убежал потихоньку вместе с тобой ворошить старые груды водорослей, бродить по берегу моря, дразнить глупых чаек и кричать в шторм страшным волнам, чтобы они еще быстрее били своими гребнями в берег. Знаешь, Старик, это ведь мое самое любимое на свете занятие – бродить по берегу грозного пенного моря, собирая в сумку всякую ненужную всячину: старые рыбацкие поплавки, обрывки сетей, раковины, крабы клешни, покрытые зеленым налетом старые медные ложки и вилки, невесть откуда упавшие в море, изъеденные солью монеты, не только медные, но даже иногда и серебряные, а если очень-очень улыбнется удача, то даже и настоящие золотые дублоны, которые один раз в год обязательно кто-то находит на берегу; кто-то очень-очень счастливый. Да, Старик, я без ума от всякой ненужной и странной всячины, старого, изъеденного солью и волнами барахла, которым можно набить доверху полную-преполную сумку, и, как это ни странно, продать на рынке любопытным туристам, желающим увезти с собой какой-нибудь необычный морской сувенир. Ну скажи мне, – разве они не странные люди, эти туристы?

С т а р и к (*ласково улыбаясь*). Конечно же, странные: покупают всякую дрянь, которую нормальному человеку даже в руках неловко держать, вроде старой позеленевшей тарелки, годной разве что в качестве подставки для комнатного цветка, или облепленного мидиями черепка, отколовшегося, якобы, от древней греческой амфоры. Вся штука, однако, в том, что платят они за эту дрянь звонкой монетой, – а это человеку в твоём, парень, положении, вовсе не помешает. Что, прав я, или не прав, черт меня побери?!

Г р а ф (*улыбаясь блаженно*). Какое мое положение? никакого такого моего положения нет, и просто не может быть, как говорит моя мама. (*Доверительно.*) Она ведь, Старик, очень добрая, моя бедная мама. Очень добрая и очень больная. (*Оглядывается на окно, прикладывает к губам палец.*) Тс-с-сс! не возражай слишком громко! я знаю, что ты начнешь сейчас возражать. Не возражай, а то мама раньше срока проснется, и вы, как всегда, начнете с ней выяснять отношения; начнете ругаться, как два влюбленных и неразлучных супруга. А мне, Старик, не очень-то, знаешь, приятно, когда ругаются из-за меня и Анны. (*Опять блаженно-мечтательно.*) Она ведь такая славная, моя милая Анна! У нее такие мечтательные глаза, такие тонкие и белые руки, такие нежные пальцы, и голос, и волосы, и все остальное... Я не люблю, Старик, когда ругаются из-за Анны, так что ты будь, пожалуйста, добр, не заводи сегодня ссор с мамой, особенно по поводу этого красивого перстенька, с большим зеленым изумрудом в желтой оправе, который нашли мы с тобой на песке, рядом с кучей гниющих морских водорослей и ракушек, и который так легко, так свободно оделся Анне на указательный палец. (*Тихо, мечтательно.*) Как хорошо сидел он у нее на руке!...

С т а р и к (*гневно*). Вот именно, у Анны он свободно оделся на указательный палец, а у твоей прекрасной, раздавленной в стороны и потерявшей все свои формы и прелести Афродиты не налезает даже на кончик мизинца! Как мог ты, Граф, допустить, чтобы твоя невеста осталась без твоего волшебного изумруда!?

Г р а ф (*покорно*). Она уже не моя невеста, Старик. У идиотов, к сожалению, невест не бывает. У них бывают одни лишь добрые и справедливые мамы. (*Понизив голос, оглядываясь по сторонам.*) Но, знаешь, ты прав, она действительно была когда-то моей невестой. Понима-

ешь, Старик, это была такая игра, – тогда, девять лет назад, в детстве, когда я был таким же нормальным, как все, и не совершил этого ужасного преступления.

С т а р и к (*сердито*). Ты и сейчас нормальный!

Г р а ф (*морицится*). Не перебивай, Старик, не надо, я знаю все твои уловки и хитрости. Лучше послушай про нашу с Анной игру – странную игру двух глупых детей, одному из которых было четырнадцать, а другой только-только минуло двенадцать. (*Доверительно.*) Ты знаешь, мы с ней играли в жениха и невесту, – там, на зеленых весенних полянах, покрытых первыми весенними первоцветами. Внизу шумело пенное весеннее море, а здесь, среди зеленой травы, все было так тихо и так торжественно, словно венчание в церкви. Анна сплела венок из желтых весенних цветов, а я подарил ей колечко – кусок медной проволоки, наспех согнутый в виде кольца. Ну не наивными ли мы были детьми – играть в обручение и в любовь накануне таких ужасных событий? Клясться друг другу в вечной любви за несколько дней до моего ужасного преступления? Ты знаешь, Старик, мне очень жалко несчастную Анну. Она ведь до сих пор ждет и надеется на какое-то чудо. Но чудеса, как говорит моя мама, бывают только в кино. А идиотам и преступникам вроде меня место или на виселице, или в тюрьме; и это еще хорошо, что мама из милости не отдала меня во власть правосудия, а все эти годы терпеливо кормила и одевала, такого неблагодарного и бессердечного идиота! (*От стыда и раскаяния опускает голову книзу.*)

С т а р и к (*начинает топтать ногами, кричит от возмущения*). Идиот, сопляк, глупый мальчишка! Чтоб тебе пусто было в твоей старой качалке, чтоб тебя съела моль, чтоб ты провалился под землю вместе со своей прогнившей верандой! чтобы чайки забросали тебя жидким пометом, чтобы море навек поглотило в пучине и тебя, и твои безмозглые речи! Видеть тебя не хочу, пропадай здесь на веранде вместе со своей сонной мамочкой! (*Поворачивается, хочет уйти.*)

Явление третье

Занавеска на окне отодвигается в сторону, и показывается сонная и всклокоченная голова А ф р о д и т ы. Глаза и щеки ее ото сна сильно припухли.

А ф р о д и т а (*хриплым недовольным голосом*). Это кто тут орет не свет не заря благим матом, это кто добрым людям нарушает дневной заслуженный сон? (*Вращает глазами по сторонам, замечает С т а р и к а.*) Это ты, старый завравшийся потаскун, это ты, дырявый грязный башмак, худая калоша, пучок мокрых вонючих водорослей? это ты орешь тут у меня под окном, хотя не далее, как вчера вечером тебе было приказано строго-настрого не приближаться к моей веранде ближе, чем на добрый пушечный выстрел?

С т а р и к (*снимает с плеча свою холицовую сумку, кидает ее на землю; ожесточенно*). Да, это я, черт бы тебя побрал, Афродита! это я, и попробуй-ка утверждать, что это не так; попробуй, может быть, у тебя и выйдет что-нибудь путное!

А ф р о д и т а (*слегка сбавив темп*). Но-но, полегче, старый лгунишка, полегче, говорю я тебе, несчастный нищий бродяга! поди прочь от моего глупого и больного ребенка, не смущай вечный покой этого идиота, отягощенного таким страшным злодейством, что никакое общение с миром нормальных и честных людей для него теперь решительно и навсегда невозможно. Радуйся, что ты не преступник, впавший от раскаяния в помешательство, а всего-навсего бездомный бродяга, которому из милости иногда подают корку черствого хлеба. Погоди немного, сейчас я вынесу тебе остатки вчерашнего ужина: немного рыбных костей и две-три хлебные корки, обильно политые растопленным салом.

Исчезает за занавеской, гремит там посудой, потом выходит на веранду с грязной тарелкой в руках, наполненной до краев свиными старыми шкварками.

С т а р и к (*ожесточенно кричит*). Поди прочь, Афродита, со своими свиными шкварками, которые ты только и умеешь готовить! Старыми вонючими шкварками, которыми провоняла ты от волос и до зада, как будто сама превратилась в большую откормленную свинью! Поди прочь со своими свиными деликатесами, отдай их лучше собакам, бездомным лохматым тварям, которые охотно примут их от тебя, но только не предлагай их Старику!

А ф р о д и т а (*грохнув тарелку о стол, уперев руки в бока*). Ах, вот оно что! они, значит, бездомные лохматые твари, готовые принять подачку из моих провонявших свиными шкварками рук; а ты, значит, не бездомная лохматая тварь; ты, значит, не скитаешься со своей торбой по заброшенным подворотням, не ночуешь по старым и сырым чердакам и подвалам, а живешь, как принц, в красивом и роскошном дворце? Чем, черт возьми, не нравится тебе запах свинины; почему не берешь ты то, что предлагается от чистого сердца, чем не угодили тебе эти жирные шкварки (*торжественно указывает на тарелку*), чем не угодили свиньи вообще?

С т а р и к. Тем, что они похожи на тебя, Афродита!

А ф р о д и т а (*раздуваясь от гнева, еще более свирепо уперев руки в бока, широко расставив слоновьи ноги*). Ах, они похожи на меня, на бедную женщину, твердо стоящую ногами на грешной земле и вот уже девять лет несущей на своих хрупких плечах груз страшного и ужасного преступления, совершенного моим свихнувшимся сыном?

Г р а ф во все время разговора А ф р о д и т ы и С т а р и к а безучастно, словно статуя, сидит в своем кресле-качалке и смотрит в сторону моря; лицо, впрочем, у него напряженное и по щекам катятся капли крупного пота.

С т а р и к. Афродита, твой сын вовсе не сумасшедший, с ним можно беседовать на разные, подчас очень сложные темы. И, кроме того, он не совершал ничего страшного и ужасного. (*Обращаясь к Г р а ф у.*) Слышишь, мальчик, ты неповинен ни в чем, я говорил тебе

это уже множество раз; твоя беда в том, что ты не хочешь сделать одно очень большое усилие, – понимаешь, всего лишь одно, но очень и очень большое, – и наконец-то вспомнить все, что было на самом деле; вспомнить все, что случилось тогда, девять лет назад, в точно такой же весенний погожий вечер, омрачившийся, как некоторые полагают, смертью твоего родного отца; смертью, к которой не имеешь ты ровным счетом ни прямого, ни косвенного отношения; вспомни, черт побери, как было все на самом деле тогда, девять лет назад, возможно даже день в день; вспомни, или никогда не быть тебе больше нормальным и взрослым; или навсегда останешься ты тут, в старом, изъеденном древоточцами кресле, на этой сырой трухлявой веранде, как пугало, как вечный стареющий мальчик, застывший, словно букашка в прозрачной смоле, в своих вечных четырнадцати годах; из которых, как ни старайся, ты не выберешься уже никогда. *(Кричит.)* Вспомни, Граф, вспомни, и снова придут к тебе зеленые поляны над морем, заполненные желтыми весенними первоцветами, и Анна, и ее веселый девичий смех, и жизнь, и свобода, и счастье. Вспомни, стань наконец-то мужчиной, или оставайся на веки вечные в своем вечном нескончаемом детстве; оставайся вечным пришибленным идиотом под надзором у строгой, мучающей тебя надзирательницы и ее свиноподобных подруг, превративших тебя в большую бессловесную куклу. Вспомни, наконец, или ноги не будет моей на твоей трухлявой веранде!

Г р а ф сидит неестественно-прямо, судорожно вцепившись руками в перила, смотрит в сторону вечернего моря; по щекам его стекают крупные капли пота; на губах блуждает улыбка блаженного идиотизма.

С т а р и к. Граф, молю тебя, вспомни!

Г р а ф *(размеренным механическим голосом)*. Я плохой, скверный мальчишка, я совершил ужасное преступление, за которое меня мало казнить; я недостойн милости своей милой мамы, и вечно перед ней за это в долгу; я виноват в смерти своего любимого папочки, и за это вечно буду гореть в аду; мне стыдно, мне очень, очень стыдно за свое гадкое и мерзкое поведение; мне лучше всего провалиться под землю, потому что такого гадкого и мерзкого мальчика еще свет белый не видывал!

С т а р и к с осуждением смотрит на Г р а ф а, с досады плюет на мостовую, поднимает свою холицовую сумку, закидывает ее на плечо, и, не оборачиваясь, уходит быстрым шагом за угол дома. А ф р о д и т а торжественно смотрит ему вслед, величественно проходит мимо Г р а ф а, берет с этажерки гипсовую свинью, прижимает ее к груди, и начинает укачивать, как младенца, что-то про себя напевая. Некоторое время слышатся лишь всхлипывания Г р а ф а и приглушенный бас А ф р о д и т ы.

Явление четвертое

На веранду с улицы заходит Кубышка.

Кубышка *(переваливаясь, как утка, из стороны в сторону, развязным тоном)*. Здорово, товарка! Чем это ты тут занимаешься, кого качаешь, словно родное дитя, опять свою белую гипсовую свинью, лучшую на свете брюхастую гипсовую свинью, внутри которой, небось, уже давно и приятно звенит целое состояние? свинью, которая дороже тебе, чем родное, в крови и муках рожденное дитяtko? чем сыночек, прижитый тобой аккурат двадцать три года тому назад?

Афродита *(равнодушно, ласково укачивая копилку-свинью)*. А что взять с идиота, к тому же злодея, которого не видывал еще ни наш город, ни весь белый свет? Идиот, он, моя подружка-товарка, и есть идиот, пускай и рожденный в законном браке, в крови и муках ровнехонько двадцать три года назад, как справедливо ты говоришь. От него ведь, моя подружка-товарка, никакой пользы заботливой матери, он ведь ни дров наколоть, ни воды принести в дом не может: как могу я доверить идиоту ведро, как могу я дать злодею топор? того и гляди, кого-нибудь убьет по дороге. Он, моя подружка-Кубышка, только лишь жрет, что твоя рабочая лошадь, да штаны протирает, сидючи весь день на веранде, глаза часаами на море, да ведя ученые диспуты со своим дружкой-Стариком.

Кубышка *(заискивает)*. Идиот, а ученые диспуты все же ведет!

Афродита *(порывисто возражая)*. А что пользы, Кубышка, что, говорю я тебе, пользы в этих ученых диспутах? иногда так, злодеи, разгорячатся, о таких ученых вещах начнут промеж собой говорить, что, не поверишь, сидишь рядом с ними дура-дурой, как будто не он идиот, а я, Афродита, его законная мать! *(Замахивается на Графа а.)* У, идиот, чтоб тебе пусто было со всеми твоими учеными диспутами!

Кубышка *(так же заискивая)*. Небось идиот-идиотом, а как захочет к вечеру жрать, так никто, кроме матери, его ни накормит, никто не обует, не погладит штаны и рубашку, не погорюет над ним, над идиотом, злодеем, каких еще в жизни никто не видывал!

Афродита *(продолжает качать копилку-свинью, начинает выть жалобным голосом)*. И-эх-хе-ее! и то правда, подруга-Кубышка, несчастная-разнесчастная я мамаша, несчастнее меня никого не сыщешь в этом проклятом городе! одна отрада, одна подружка, одно белое ненасытное брюшко и осталось теперь у меня, что эта родная белая свинка! эта милая гипсовая копилка, которая милее мужа и сына, которая ни каши не требует, ни молока, которой не нужны ни штаны, ни самые распоследние грубые башмаки; которая сама тебя и кормит, и поит, которая и сама твоя распоследняя надежда и отрада на свете; которая так приятно, так мелодично и музыкально звенит *(подносит копилку к уху и встряхивает ее)*, что нет в мире музыки чище и приятней, чем эта.

Граф во все время беседы Афродиты с Кубышкой неподвижно и прямо сидит в кресле-качалке.

Кубышка *(благожелательно смотрит на Афродиту и опускается на стул возле стола)*.

Кубышка *(благожелательно, ласково)*. А признайся-ка мне, любезная Афродита, ведь свиньи, будь они настоящие, или слепленные из гипса, гораздо дороже тебе, чем настоящие люди?

Афродита *(улыбаясь, отнимая ухо от гипсовой копилки-свиньи)*. Твоя правда, любезная подруга-Кубышка, дороже, еще как дороже!

Кубышка. А признайся-ка мне еще, любезная Афродита, что иная свинья протухшая шкварка, забытая на соседней помойке, дороже тебе, чем вся человечья ученость на свете, чем все на свете умные головы, вместе взятые, чем все их проклятые музеи и школы, все эти

модные высшие учебные заведения, расположенные в столице, куда улетают время от времени некоторые юные выскочки из нашего города? что свинья для тебя и отец, и мать, и Господь Бог, который, как известно, сотворил все в мире живое, в том числе и саму эту свинью? что сама ты, Афродита, будь твоя воля, родилась бы большой откормленной свиноматкой, или надутый от счастья, затейливо размалеванной копилкой из гипса, внутри которой тесно от золотых округлых монеток? которая так и лоснится от своего золотого сытого счастья?

А ф р о д и т а (*мечтательно поглаживая копилку-свинью*). Так, дорогая моя Кубышка, так, милая моя подруга-товарка, все так, как ты говоришь, и даже еще больше, намного больше. Не нужны мне, Кубышка, ни мать, ни отец, ни муж, которого вечно приходится гнать на работу, и который еще, чего доброго, будет в конце-концов воротить нос от моих любимых розовых шкварок; да еще, чего доброго, будет учить тому же своего разнесчастного сына; ты ведь помнишь, Кубышка, что именно так все здесь и случилось, что законный мой муженек, брак с которым, как известно, заключился на небесах, не вынес моих ежедневных, свиных и розовых шкварок, собрал свой морской старенький сундучок, который, впрочем, я ему забрать не дала, простился со своим любимым сынком (*осуждающе смотрит на Г р а ф а*), сел на первый приплывший в город корабль, да и... (*спохватывается, прижимает палец к губам*). Тс-с-сс! молчок! молчок, и больше ни единого слова, разлюбезная моя товарка-Кубышка; иначе, чего доброго, кое-кто еще тоже объявит, что его просто воротит от моих розовых шкварок; что он готов встать со своего старого трухлявого кресла, собрать все тот же старый отцовский, наполненный книжной рухлядью сундучок, да и укатить отсюда подальше; лишь бы не видеть этих прогорклых розовых шкварок, да заодно уж и твою, милая подруга, мерзкую морду, которая так напоминает морду дородной свиньи, что, встретить тебя в кривом переулке позднехонько вечером, так, пожалуй, и не отличишь от раскормленного кабана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.